

ЦЕНА ТИХИХ

Тенденцию инсценировать литературные произведения, написанные порой в форме, далекой от драматургической, видимо, трудно объяснить одним лишь дефицитом оригинальных произведений драматургии. Стремление к сценическому воплощению литературных героев, которые стали близки и дороги читателю, возникает, пожалуй, от желания дольше с ними не расставаться, полнее раскрыть их характеры.

Сказанное выше в полной мере относится к небольшой повести Бориса Васильева, опубликованной впервые около трех лет назад в журнале «Юность». Многие театры взяли инсценировку повести в свой репертуар. Интерес театра Советской Армии к ней естествен.

Авторы инсценировки С. Димант и Б. Эрих (а последний является и постановщиком спектакля) довольно своеобразно переносят повесть на сцену: не ограничиваясь весьма малым количеством диалогов и реплик, имеющихся в повести, они смело вводят в спектакль значительную часть авторского текста, сохраняя таким образом лучшие страницы литературного первоисточника.

Конечно, такая форма требует особой тонкости от исполнителей: авторские ремарки, произносимые героями о самих себе от третьего лица, нелегко вплетать в живую ткань сценического повествования.

Театр и его исполнители с честью справляются с этой задачей: зритель великолепно воспринимает многоголосные люэнысы, совмещение сразу нескольких планов, не ощущая театральности условности.

Ситуация, возникающая на сцене, необычна: полузвезд девушка попадает в боевое охранение объекта. Пока это глубокий тыл, действие носит в основном комедийный характер. Еще бы: комеданту объекта старшине Васкову, который добивался от начальства соедат непьющих и чтоб ласчет женского пола не был агрессивны, приходится хитро, Ве-

селых ситуаций возникает предостаточно.

Но война есть война. Старшина Васков сразу дает жесткую установку: «нету здесь женщин, есть бойцы и командиры, и куда война не кончится, все в среднем роде ходить будем».

И еще до того, как наступили трагические события, зритель узнает, что у многих девушек, которым бы еще за партами сидеть, на танцы бегать да от мамы нагоняи получать, за спиной уже страшные, ни с чем не сравнимые испытания. Особый счет к врагу у Риты Осяниной, у Жени Комельковой, у Соня Гурвич...

Женщины и война. Старшина Васков с присущей ему прямолинейностью определяет эту мысль так: «Эх, бабы, бабы, несчастный вы народ! Мужикам война эта — как зайцу куреву, а уж вам-то...»

Но если в самом начале спектакля мысль о том, что война — не женское дело, носит характер философский, то к финалу эта же мысль вызывает яростный протест: не надо, нельзя, «чтобы гибли такие юные, такие хорошие девушки, которые должны были стать женами, матерями, труженицами».

Не просто по приказу, не только потому, что шла война, не только в силу крайней необходимости, но прежде всего по велению долга шли на смерть девушки нашей страны, которые равные права с мужчиной воспринимают не только как право одинаково работать, учиться, участвовать в управлении страной, но и как право в одном строю с мужчинами сражаться за Родину, как право вместе с ними отдавать за нее жизнь.

В финале спектакля старшина Васков казнит себя за то, в чем он, собственно, совсем не виноват: «Положили ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев». И смертельно раненная Рита Осянина возражает: «Ну, зачем так... Все же понятно, война...» «Понятно, война. А потом, когда мир будет? Будет понятно, почему вам умирать прихо-

дилось? Что ответить, когда спросят: что же вы это, мужчины, наших мам от пуля защитить не могли? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? И Рита отвечает: «Родина ведь не с каналов начинается, совсем не оттуда. А мы ее защищали. Сначала ее, а уж потом канала».

Тревога Васкова и всех тех, кто с оружием в руках отстаивал свободу и независимость нашей Родины, по поводу того, «будет ли понятно, почему вам умирать приходилось?», напрасна. Молодому поколению нашей страны понятно все — оно готово в любой момент повторить героические подвиги своих сверстников, живших и воевавших три десятилетия назад. Ансамблевость исполнения нужна в каждом спектакле. В таком же, как «А зори здесь тихие...», она особо необходи-

ма. Артисты, занятые в спектакле, великолепной сыгранностью достигают основного успеха. И тем не менее каждый исполнитель — яркая индивидуальность.

Это прежде всего относится к Г. Крынкину — старшине Васькову. Федот Евграфич в спектакле такой, каким мы узнали его в повести: русский человек с характером цельным, с натурой широкой, с душой чуткой, с умом светлым. Что из того, что образования у Федота Евграфича всего четыре класса! Он — воплощение народной мудрости и смекалки. Храбрость его непоказная, стойкость его неподдельная, а ярость и ненависть к врагу идут из самых глубин сердца.

Все огорчения и переживания Федота Евграфича зритель принимает близко к сердцу: он сразу завоевывает симпатии

всех, этот немногословный, очень крепкий в своих убеждениях воин.

Г. Крынкин по большей части очень точно ведет роль, сливаясь воедино со своим героем. И только, может быть, иногда проскальзывает у исполнителя этакая стилизация под «рубашку-париза».

Не совсем понятно, почему артист, чуткий ко всем деталям в поведении своего героя, почти напрочь игнорирует его рацию. Возможно, что и исполнитель, и постановщик не посчитали нужным сосредоточивать внимание на этой детали, но зрителю это очень заметно. И заметно потому, что он, зритель, переживает за своего героя.

Раненный в руку, Васьков действует этой рукой, как здоровой, словно там не пулевое ранение, а царапина. А ведь в эпизодах мы узнаем, что из-за этой «царапины» Федот Евграфич потерял руку... Думается, что такое «пренебрежение» к боли ничего не добавляет к мужественному характеру старшины Васькова.

Женя Комелькова в исполнении А. Покровской тоже словно сошла со страниц повести. Красивая, бесшабашная, прямая в суждениях, дочь красного командира, она всюду умеет найти близких себе людей, всюду вызывает к себе симпатию.

А. Покровская играет Женю ярко, броско, наделяя свою героиню одновременно обаянием и «ключестью». Такой была она, Женя Комелькова: общительной, озорной, несмотря на все трагедии. Это ее, Женю, судьба перечеркнула исключительность Риты Ослиной. Расцвела от соприкосновения с Женей Галей Четвертак.

Рита Ослиная внешне, кажется, совсем другой. Гордая и чистая, вдова молодого лейтенанта пограничника, погибшего на второй день войны, она все поджигала одной цели — мстить врагу за разрушенное счастье советских людей. Рита Ослиная несет в себе главные черты довоенного поколения. «Все ее воспитание было направлено к тому, чтобы ждать только сча-

сливых концов: сомнение в удаче для ее поколения равнялось почти предательству. Ей случалось, конечно, ощущать страх и неуверенность, но внутреннее убеждение в благополучном исходе было всегда сильнее реальных обстоятельств».

Рита в исполнении М. Скуратовой бескомпромиссна, целеустремленна, беспощадно требовательна к себе и окружающим. Но она женщина, к тому же мать. Ее характер, нежный, способный к горькой привязанности, великолепно открывается в финальной сцене, когда Рита и Васьков остаются совсем одни.

Исполнительницы ролей Лизы Бринчиной (Н. Белобородова), Соии Гурвич (И. Демина), Гали Четвертак (С. Дик), Кирьяновой (Р. Савельева) нашли емкие детали для характеристик своих героинь. Надолго запомнится мечтательный взгляд Лизы, ждущей «своего» завтра. Рассудительная и многоопытная Кирьянова хорошо знает и жизнь, и своих девчат. Актрисе Н. Белобородовой вполне удается эта роль старшей в команде, готовой всегда постоять за своих девчат.

Частые перемещения героев по сцене на значительные расстояния потребовали от художника Э. Стенберга большой изобретательности. Сделанная им декорация прекрасно передает весенний пейзаж северного озера края и позволяет зримо представить обстановку, в которой действуют герои спектакля.

«Три десятилетия назад это было. Юноша, представляющий нынешнее поколение в эпизоде спектакля, пишет своему другу про «непильный уголос», где хоть и «комары проклятые докнают, но жизнь все едино райская».

И пусть не сразу он замечает, что «зори здесь тихие», советские люди всех поколений хорошо знают, какова цена этих тихих зорь.

В. СОЛОВЬЕВ

НА СНИМКЕ: Г. Крынкин — Васьков.

Фото Э. Землянского.